

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.2.11>

Федяев Дмитрий Михайлович, Федяева Наталья Дмитриевна

ОПЫТ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ПРОЧТЕНИЯ ГЕГЕЛЕВСКОЙ "ЛОГИКИ"

В статье прослеживается антропологическое содержание диалектики. Диалектика является учением о человеке в той мере, в какой ему присуще все то, что присуще Универсуму в целом. В гегелевской версии диалектики антропологический материал широко представлен. Так, учение о противоречии, которое принято считать ядром диалектики, разворачивается в тематике рефлексии. Типичны антропологические метафоры, например о "беспокойстве" всякого нечего, заключенного в границы. Абстракции оживают в персонажах, подобных литературным героям. Широкое распространение диалектических идей является подтверждением их достоверности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/2/11.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 2. С. 61-66. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 130.3

Дата поступления рукописи: 30.11.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.2.11>

В статье прослеживается антропологическое содержание диалектики. Диалектика является учением о человеке в той мере, в какой ему присуще все то, что присуще Универсуму в целом. В гегелевской версии диалектики антропологический материал широко представлен. Так, учение о противоречии, которое принято считать ядром диалектики, разворачивается в тематике рефлексии. Типичны антропологические метафоры, например о «беспокойстве» всякого нечто, заключенного в границы. Абстракции оживают в персонажах, подобных литературным героям. Широкое распространение диалектических идей является подтверждением их достоверности.

Ключевые слова и фразы: диалектика; бытие; сущность; понятие; антропология; ядро человечности.

Федяев Дмитрий Михайлович, д. филос. н., профессор

Федяева Наталья Дмитриевна, д. филол. н., доцент

Омский государственный педагогический университет

fedyaev@omgpi.ru; ndfed@yandex.ru

ОПЫТ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ПРОЧТЕНИЯ ГЕГЕЛЕВСКОЙ «ЛОГИКИ»

Диалектика сегодня не слишком популярна, что в числе прочего вызвано известным предубеждением, согласно которому она повествует о всеобщих законах, а человечность является предметом специальных философских дисциплин. Тем не менее диалектика является учением о человеке в той мере, в какой ему присуще все то, что присуще Универсуму в целом.

Диалектику можно изучать по разным источникам. Один из предпочтительных вариантов – изучать ее по Гегелю. В качестве основных источников на русском языке имеется одностомная «Логика» и трехтомная «Наука логики». Для изучения нужны оба источника, они дополняют друг друга.

Прочитаем «Логику» под углом зрения антропологии. Наша цель – выявление ее человеческого измерения. Это в известной степени ново, поскольку значительно более типично «подкрепление» диалектики математическим, естественнонаучным, экономическим, социально-политическим материалом. Актуальность антропологического прочтения определена современным состоянием философско-антропологических исследований. Образ человека разобран на части многочисленными философскими течениями. Для их согласования необходимо некоторое инвариантное содержание, обладающее достаточной степенью достоверности. Возможно, что такое содержание имеется в диалектике.

В свое время весьма популярным был тезис, согласно которому диалектику нельзя сводить к сумме примеров. Это действительно так, но в изложении основ диалектики не обойтись без примеров, иллюстраций, конкретного материала. Примеры есть и в гегелевском тексте. Замечательный материал диалектического содержания имеется в «Порядке из хаоса» И. Пригожина и И. Стенгерс. Надо сказать, что эта книга сыграла свою роль в снижении статуса диалектики в нашем отечестве: она была впервые издана на русском языке в 1986 г., к началу 90-х была более или менее освоена – в период тотальной критики всего советского. На волне критики среди «широкой» гуманитарной общественности распространилось мнение о ненужности диалектики, поскольку, мол, появилась современная, по-настоящему научная теория развития – синергетика. Между тем авторы «Порядка из хаоса» справедливо считали, что они развивают диалектику.

Любое краткое (и даже не краткое) изложение гегелевской диалектики кем-либо является авторской версией излагающего. Гегелевский текст слишком богат и многозначен, слишком многое в каждом варианте изложения зависит от философских предпочтений и личностных особенностей излагающего. Неизбежной версификации не следует опасаться. Без личностного отношения к «Логике» не удастся почувствовать ее неяркую красоту, энергетика и антропологический пафос.

Критики гегелевской диалектики, как правило, акцентировали внимание на общей схеме ее построения. Для выявления антропологического содержания схема – не главное. Содержательное богатство гегелевской диалектики обнаруживается при вхождении в детали, ключевые идеи, эвристический потенциал которых далеко не исчерпан.

Итак, открываем Учение о бытии. Исходным пунктом является неопределяемое «пустое» бытие. «В нем нечего созерцать, если здесь может идти речь о созерцании, иначе говоря, оно есть только само это чистое, пустое созерцание. В нем нет также ничего такого, что можно было бы мыслить, иначе говоря, оно равным образом лишь это пустое мышление» [2, с. 140]. Бытие есть ничто. Очевидно, что категория, охватывающая все, не может иметь никакого конкретного содержания, но Гегель, неоднократно назвав бытие пустым, сопоставил его с Брамой и Богом. Переживание человеком своего общения с Богом может быть в высшей степени интенсивным. Так, может быть, бытие и ничто, не различаясь для рассудка и логики, различимы эмоционально? М. Хайдеггер считал, что «ужасом приоткрывается Ничто» [11, с. 21]. Для современного взрослого человека переживание хайдеггерского ужаса, не предполагающего конкретного предмета, не характерно, но не исключено, что его свежо и живо переживал древний человек, лишь начинающий освоение мира.

Оно знакомо ребенку в темной комнате, боящемуся не чего-то определенного, а именно неоформленного, непонятого, не имеющего определенного образа.

Каким образом, согласно Гегелю, раскрываются истина бытия и ничто, как в их единстве становится наличное бытие, нечто, едва ли можно буквально *вообразить*, можно лишь попытаться найти какие-либо аналогии, которые неизбежно окажутся неточными и натянутыми. Например, знание о ничего-не-знании ведет к становлению личности Сократа.

Становление наличного бытия ставит нас на относительно твердую почву. Здесь мы имеем дело с определенностью, которая характеризуется качеством, количеством и мерой, выходим на закон взаимного перехода количественных и качественных изменений. Когда мы даем вещи имя, мы указываем именно на ее качество, тождественную с бытием определенность. Тем самым мы ее фиксируем, выделяем из потока становления. Наделение именем – важный шаг к овладению вещью (сопряженный с практическим действием – «прощупыванием»). Названное становится отчасти своим. Измерение, сосчитывание уточняют и закрепляют определенность, внесенную именем. Количество фиксирует качество. Мера несет в себе тайну и опасность. Когда некий путь уже пройден, с мерой все становится ясным. А если мы идем по нему впервые? Как далеко можно заходить? «В религиозном сознании древних греков божественность меры в ближайшем отношении к нравственности изображается в виде *Немезиды*... Что же касается предметного мира, то и здесь мы встречаем меру» [5, с. 185]. Обратим внимание: о предметном мире сказано «и здесь», но прежде всего речь идет о человеческом.

Заслуживает особого внимания проблема границы в силу ее неизменной актуальности. В социологии она ставится как проблема маргинальности, в социальной психологии – как проблема гендерной идентичности, в политике – как обсуждение геополитических реалий, в науковедении – как задача описания пограничных синтетических наук, в физике – как задачи о силах поверхностного натяжения или скин-эффекте [10, с. 144]. «*Благодаря ей нечто есть то, что оно есть, имеет в себе свое качество*» [2, с. 189]. Нечто и иное благодаря границе различаются своими качествами. «Она середина *между ними*, в которой они прекращаются. Они имеют свое *наличное бытие по ту сторону друг друга и их границы*; граница как небытие каждого из них есть иное обоим» [Там же, с. 191]. Гегель обращает особое внимание на *беспокойство*, неотделимое от границы. Беспокойство присуще всякому нечто. Будучи заключенным в границы, оно стремится выйти за них. Нечто выводится и гонится дальше себя. Согласно Гегелю, самое понятие границы уже предполагает возможность ее перехода, «ибо некоторая определенность, граница, определена как предел лишь в противоположность к его иному вообще как к его *неограниченному*; иное некоторого предела как раз и есть *выход* за этот предел» [Там же, с. 197].

Гегелевская концепция границы вполне естественно выводит на проблематику философии экзистенциализма, хотя экзистенциалисты и утверждают, что их понимание границы совершенно ново: «Граница здесь представляет собой не то, что каким-либо образом располагалось бы снаружи и ограничивало бы человека извне, но то, что определяет его в самой глубине его существа» [1, с. 85]. Экзистенциализм переносит проблему границы исключительно в бытие человека, но при всем своеобразии этого философского течения «узловые точки», зафиксированные Гегелем в его понимании границы, безусловно узнаются: беспокойство, стремление к преодолению и качественный скачок – переход к подлинности.

Тенденции наличного бытия явно сопряжены с эволюцией личности. Если, согласно Гаутаме-Будде и Кратилу, человек, как и любая вещь, меняется постоянно, так что никогда не является тождественным себе, то в жизни нередко фиксируется другое: в течение более или менее длительного периода личностные изменения малозаметны, но однажды происходит перелом, качественное изменение. Явно антропологична и гегелевская идея беспокойства, присущая всякому нечто, заключенному в границы меры. Может ли буквально успокоиться фрагмент бытия, лишенный разума? Вот, к примеру, замечание епископа Уилберфорса, сделанное в ходе полемики с Томасом Гексли об эволюционной теории: «Неужели можно верить тому, что все более полезные разновидности репы в огороде стремятся сделаться людьми?» [6, с. 599].

Идея противоречивости сущего в ее гегелевской версии, как известно, инициирована, в числе прочего, математикой, в частности, дифференциальным исчислением. Изобретение производной и дифференциала было продолжением древнегреческой задачи деления сущего. Решения ее в античности и в новое время были различны. Греческая мысль установила предел делимости и выработала понятие атома (неделимого). Установление предела соответствовало духу греческой культуры – культуры места и границы. Культура Нового времени (фаустовская) пошла до конца, до бесконечно малых, и пришла к понятию производной, которое несет в себе противоречие. В физическом смысле это мгновенная скорость, т.е. скорость и не-скорость, поскольку самое понятие скорости предполагает отрезок пути и отрезок времени, за который путь проходит.

Учение о противоречии, признаваемое многими ядром диалектики, начинает интенсивно разворачиваться при обсуждении вопроса о том, что есть сущность. Выясняется, что сущность «будет бытием, ушедшим *внутрь себя* или сущим *внутри себя*»; отличие сущности от непосредственного бытия составляет *рефлексия*, ее видимость, отражение внутри самой себя, и эта рефлексия и есть отличительное определение самой сущности» [5, с. 192]. Категория рефлексии чаще всего употребляется а) как синоним мышления; б) как мышление о мышлении; в) как осмысление собственной деятельности и ее результатов. Если предмет и результат рефлексии тождественны, то рефлексия лишена всякого смысла. Реально же мысль о предмете не может быть совершенно адекватной предмету; осмысление мысли нередко представляет ее несколько иначе, чем это первоначально представлялось (к примеру, не столь глубокой); осмысленное задним числом действие может быть оценено совершенно иначе, чем в момент его совершения. Таким образом, в рефлексии обнаруживается и тождество, и различие, находящиеся в единстве. Следует отметить, что применение категории рефлексии к неразумному бытию тоже проблематично.

Далее разворачивается критика формальной логики, причем Гегель апеллирует к мышлению и языку: так, по поводу закона тождества, согласно которому А есть А, Гегель пишет, что «выражения, следующие этому нормативному (*seinsollenden*) закону истины (планета есть планета, магнетизм есть магнетизм, дух есть дух), справедливо считаются глупыми: таков именно всеобщий опыт» [Там же, с. 197].

Подвергнув критике формальную логику, Гегель продолжает: «Противоречие – вот что на самом деле движет миром, и смешно говорить, что противоречие нельзя мыслить» [Там же, с. 206]. И только *после* выявления противоречий в типичных высказываниях приводятся вполне конкретные факты из мира вещей и событий: полюса магнита, владение и долг, северный и южный полюсы и др. Взаимоотношение противоположностей схватывается оксюмороном «свое иное»: каждая – свое иное другой. Категория своего иного иллюстрируется отношением человека к природе [Там же, с. 205].

Идеи качественного изменения при переходе границы меры, единства и борьбы противоположностей неслучайно зародились еще в древности. Они не только соответствуют объективным процессам, но и живут в нашей душе. Например, в границах меры в нашем бытии наличествует единство и целостность: мы ведем себя определенным образом, играем ту или иную роль, как этого требуют обстоятельства, демонстрируем «тождественную с бытием определенность». Между тем «в глубине», на уровне сущности, мы в то же самое время можем переживать внутренний разлад, а наше «второе Я» – стремиться громко заявить о себе.

Тема *сущности* разворачивается в ряде категорий, первая из которых – явление. При его рассмотрении весьма важны следующие тезисы: 1) сущность является; 2) ошибочны как отождествление сущности с бытием, так и утверждение, согласно которому сущность – совсем не то, что бытие; 3) закон, выражающий сущностное, есть спокойное содержание явления [3, с. 140]. Вспомним, что отличие сущности от непосредственного бытия составляет рефлексия. Бытие характеризуется качеством, количеством и мерой. Познание погружается «внутри», «в глубину» и устанавливает закон, которому оно подчинено. Но это только половина дела. Гегель соотносил рефлексию с действием отражающей поверхности – рефлектора. Следующий шаг познания – возвращение «на поверхность» – к исходной точке. Но исходная точка, наличное бытие, видится уже иначе и значительно глубже – в контексте реализации установленного закона. Теперь оно – его явление. Подобный акт познания сплошь и рядом осуществляется в *обыденной жизни*: исходное восприятие некоего человека и его же восприятие после того, как сущность индивидуума стала нам ясна, могут значительно различаться. Закон характеризуется как «спокойное», поскольку он может реализоваться во многих вариантах в зависимости от условий. Если говорить о науке, то любой закон буквально реализуется применительно к идеализированному объекту. Его применение к реальным объектам всегда требует поправок и уточнений.

Сущность конкретизируется в целом ряде категорий, при рассмотрении которых особое внимание уделяется антропологическим значениям. В тексте появляются персонажи, напоминающие литературных героев. Так, например, широко распространенная склонность к отделению внутреннего от внешнего рассматривается на примере отношения людей посредственных к выдающимся личностям: говорят, что все значительное, что они совершили, – это «лишь их внешнее, внутренне же они стремятся к чему-то совершенно другому, к удовлетворению своего тщеславия или других таких же достойных порицания страстей. Это – возренье зависти...» [5, с. 236]. Действительность склонны считать дурной и неразумной «никогда не мыслившие или не ладящие теперь с мыслью, опустившиеся практики» [Там же, с. 239]; выясняется, что формальные возможности – излюбленная тема «политиков пивных», поскольку «остроумие пустого рассудка больше всего услаждается праздным придумыванием различных возможностей» [Там же, с. 241], случайное рассматривается в контексте восприятия действительности. Это – тот образ, в котором действительность первоначально предстает сознанию. Соответственно, мы рассматриваем случайное как нечто такое, что может быть или не быть, может быть таким или другим. Но раз уж нечто произошло, случайное выступает уже как непосредственная действительность, то есть как *случившееся*. То, что уже случилось, есть условие, а совокупность условий реализуется с необходимостью.

В обыденной жизни иной раз приходится встречаться с диалектикой перехода от случайного к случившемуся, которое становится условием и необходимо предопределяет дальнейшее течение событий. Могло, мол, быть и иначе, но случилось именно так, и изменить ничего уже нельзя.

В *Учении о понятии* критикуется общепринятая версия образования понятий: «Было бы превратно понимать, что сначала предметы образуют содержание наших представлений и что уже затем приходит наша субъективная деятельность, которая посредством... операции абстрагирования и соединения того, что общее предметам, образует их понятия» [Там же, с. 270]. Допустим, что понятия, как утверждается в «Логике», есть «истинно первое», но как же они образуются? Оказывается, что «нахождению родов и видов в природе и в духе предшествовало скорее смутное чувство, неопределенное, но более глубокое ощущение, некоторое предчувствие сущностного, и лишь после этого начинали искать для рассудка ту или иную определенную внешнюю черту» [4, с. 259]. Апелляция к предчувствию сущностного вносит в процесс образования понятия элемент мистицизма, но это вечный вопрос теории познания: откуда берется исходная идея – явно не из опыта, а если она нам «врождена», то каким образом?

Особое внимание Гегель уделяет преодолению противоположности между субъективным и объективным. «В познании дело вообще идет о том, чтобы лишиться противостоящий нам мир его чуждости, ориентироваться, как обыкновенно выражаются, в нем, а это означает – свести объективное к понятию, которая есть наша глубочайшая самость» [5, с. 306]. Сущность объективна, но вот она выявлена и названа, зафиксирована в понятии, которое есть наше понятие, факт языка и культуры. Таким образом, оказывается, что познание по сути своей есть очеловечение мира, трансформация природного в культурное.

Даже основополагающие идеи точных наук не избегают антропологической проверки. «Если на вопрос, почему такой-то человек идет в город, указывается как на основание, что город имеет притягательную силу, влекущую его туда, то такого рода ответ, санкционированный в науках, считается вздорным. – Лейбниц упрекал ньютонову силу тяготения в том, что она такое же скрытое качество, как те, которыми пользовались для объяснения схоластики» [3, с. 87].

Объективность, по Гегелю, содержит три формы: механизм, химизм и целевое отношение. Следует обратить внимание на живучесть элементов механистического мировоззрения. Оно подкупает своей наглядностью и живет в языке: политики не устают стремиться к созданию «механизма, который обеспечил бы...», применительно к общественной жизни говорят о строительстве, в современной философии мы встречаемся с конструкторской и деконструкцией, постоянно стараемся с чем-нибудь разобраться. Химизм, напротив, подкупает своей гайнственностью и будит воображение: а что же там внутри происходит? Алхимики в свое время старались создать философский камень, сравнительно недавно наша страна пережила увлечение «большой химией», эта наука будит надежды на чудо.

В учении о целевом отношении один из ключевых моментов – средство. Некогда Игнатий Лойола провозгласил, что цель оправдывает средства. Против этого тезиса неизменно возражали совестливые гуманисты (гуманисты в широком смысле слова): средства должны быть достойны цели. В этих по видимости взаимоисключающих тезисах имеется существенно общее содержание: цель молчаливо признается безусловно первичной. *Сначала* имеется цель, а *потом* для нее начинают искать средства: благие или же просто эффективные. Гегель сделал средство активным: наличное средство наряду с прочими условиями деятельности явно влияет на постановку цели; «средство как *непосредственная объективность* обладает по отношению к субъективной цели *всеобщностью наличного бытия*, которого субъективная единичность цели еще лишена» [4, с. 197]. К сожалению, слишком часто совокупность средств, имеющихся в наличии, самым радикальным образом определяет и ограничивает наше обыденно-житейское целеполагание, а слишком масштабные цели оборачиваются пустыми мечтами.

В средстве реализуется хитрость разума, оно открывает возможность новых целей. Цель преодолевает противоположность субъективного и объективного, поскольку она достигается. Но цель есть процесс. Достигнутая цель есть некий объект, который, в свою очередь, представляет собой средство или материал для других целей и т.д. В лишенной разума природе целей, как известно, нет, но есть энтелехия, что придает гегелевскому учению о цели универсальность.

Наконец выходим на идею, которая, согласно Гегелю, есть абсолютное единство понятия и объективности. «Идея есть *истина*, ибо истина состоит в соответствии объективности понятию, а не в соответствии внешних предметов моим представлениям; последнее есть лишь правильное *представление*, которое я, *данное лицо*, составляю себе» [5, с. 321]. Именно об этом «наиболее глубоком смысле истины идет речь, когда говорят об *истинном* государстве или *истинном* произведении искусства... когда их реальность соответствует их понятию» [Там же, с. 322]. Кстати, что может быть пределом наших честолюбивых мечтаний, если мы занялись, к примеру, философией? Только одно – если о нас скажут: это философ (настоящий, истинный).

Идея находится в каждом сознании, хотя искаженная и ослабленная. Идея как процесс проходит в своем развитии три формы: жизнь – идея в форме непосредственности; познание – теоретическое и практическое; абсолютная идея. Абсолютную идею Гегель сравнивает со стариком, высказывающим то же самое религиозное содержание, что и ребенок, но для которого оно является смыслом всей его жизни. Финал «Логик» столь же антропологичен, как начало.

Антропологизм изначально присущ философии в целом. Обратим внимание на факт: в античной философии практически одновременно возник целый ряд версий первоначала. Множественность версий обычно объясняют тем, что философская мысль двигалась от следствия к причине. Следствие – мир, каков он есть сегодня. Причина – путь, который привел его в это состояние. Соответственно, могут предлагаться разные варианты. Если мысль идет от причины к следствию, подобного множества не будет. К примеру, при наличии знания о скорости и направлении движения тела из исходной точки А нетрудно определить, где окажется тело через какое-то время, допустим, в точке Б. Если же известно, что тело находится в точке Б, то вопрос, как оно в нем оказалось, не допускает столь же определенного ответа.

Одним из наиболее эффективных инструментов древней философии оказывается метод аналогии. К примеру, нагревание, замерзание и испарение воды объясняет возникновение базовых стихий; пылинки, пляшущие в солнечном луче, наводят на мысль об атомах; металлургия объясняет роль огня в становлении мира. В древности запас возможных аналогий был не слишком велик, но всегда «наготове» была предметная область, способная дать практически бесконечный набор: человек, состояния его души, взаимоотношения людей. Неудивительно, что он широко использовался. Впоследствии, когда становление науки с ее экспериментальным методом дало возможность мысли двигаться от причины к следствию, метод аналогий продолжал применяться наряду с другими.

Он не слишком надежен, поскольку аналогия может оказаться неудачной, но выдвинутые философские идеи проходят проверку путем конвенции, осуществляющейся естественным образом в ходе развития философской мысли. Никто, как известно, не постигнет необъятного, а потому каждая философская школа (или же каждый отдельный философ) ориентируется на ограниченный круг знаний и практических действий. Но если рожденная ими идея заимствуется другими школами и личностями, опирающимися на другой круг знаний, это значит, что она нашла подтверждение. Вместе с расширением «поля заимствований» растут и основания считать ее истинной.

Поле заимствований диалектики практически безбрежно. Стоит обратить внимание на следующий факт: она начала складываться в древней философии, задолго до Гегеля, и продолжала развиваться после него, но ее пафос остался неизменным. Базисные идеи выдвигались, разворачивались, обогащались новым материалом, но оставались вполне «диалектическими», узнаваемыми. К. Маркс реализовал диалектические идеи в политической экономии, Ф. Энгельс попытался осмыслить с их помощью современное ему естествознание, вместе они заложили их в основу революционной теории. В отечественной философии советского периода диалектика активно развивалась на естественнонаучном материале, в последние десятилетия диалектические идеи интенсивно разрабатываются в русле синергетики. Это значит, что она «поверена» различными видами познания и деятельности. Что касается ее антропологического измерения, то оно верифицировано за пределами предметной области философии огромным массивом художественной литературы.

Диалектика «преодолеывает» не только время, но и расстояние. Так, Р. Нейсбит утверждает, что диалектика – типично восточное мировоззрение, прежде всего – китайское, что Гераклит Эфесский был среди греческих мыслителей исключением, поскольку для греков единственно характерным способом мышления была формальная логика. Впоследствии весь Запад пошел за греками. Оказывается, что «гегелианско-марксистская» диалектика агрессивна, что китайцы по-своему трактуют закон тождества, что Восток и Запад по-разному понимают противоречие, а в результате... Запад есть Запад, Восток есть Восток [8, с. 210-213]. Тем не менее при внимательном чтении книги выясняется, что разница между «восточной» и «западной» диалектиками состоит в том, что Запад акцентирует противоречия, а Восток сразу, «с порога», начинает их преодолевать, примирять, разрешать. Из двух исходных принципов диалектики – развития и связи – Запад акцентирует развитие, а Восток – связь. Во всем прочем диалектика остается той же самой.

Означает ли столь долгая (и пространная) жизнь диалектики, что природа человека неизменна? Однозначно ответить на этот вопрос, наверное, нельзя. Некоторые тексты, авторы которых жили задолго до нас, наводят на мысль, что люди были совсем другими, иные приводят к противоположному мнению. Откроем некоторые тексты, выбранные случайно, такие, которые были «под рукой», например, «Повесть о новооткрытии достославной великой реки амазонок» Гаспара де Карвахалья. Идет 1542 год. Около 50 голодных испанцев плывут по Амазонке, которую они открыли не по своей воле. Идут они на двух больших лодках, которые гордо именуют бригантинами, причем одну из них участники вынужденного похода тут же и построили, для чего пришлось, в частности, самостоятельно выковать гвозди. Индейцы дружно стараются с ними покончить (берега были тогда населены плотно). Цель одна – вперед до океана, туда, где есть уже заложенные селения – центры цивилизации и связи с внешним миром. Налечь на весла и идти без перерыва испанцы не могут: добыть еду можно только в индейских селениях, с боем. Стойкость конкистадоров поражает современного читателя, но еще больше поражает спокойный тон повествования: ничего особенного не происходит, все нормально, все в штатном режиме. В собственных злоключениях автор (священник) тоже не видит ничего чрезвычайного: «Изо всех наших ранили в этом селении лишь меня одного: господу было угодно, от той раны я потерял одно око, и дело обошлось не без мучений, и в болях я тоже не чувствовал недостатка. За все это я возношу хвалу всевышнему, который без моей на то заслуги даровал мне жизнь, дабы я исправился и служил бы ему лучше, чем прежде» [9, с. 78]. Вроде бы все, о чем пишет Гаспар Карвахаль, для нас нетипично, но не мы ли совсем недавно при каждом удобном и неудобном случае благодарили известную политическую организацию?

Углубимся в более далекое прошлое – в 968-971 годы. Византийский историк Лев Диакон повествует о войне с киевским князем Святославом. Один из боевых эпизодов: обе стороны сражались с равным мужеством и энергией. Неужели враг «не хуже» нас? Нет, хуже. «Оба войска сражались с непревзойденной храбростью; росы, которыми руководило их врожденное зверство и бешенство, в яростном порыве устремлялись, ревя как одержимые, на ромеев, а ромеи наступали, используя свой опыт и военное искусство» [7, с. 74]. Чем не современный способ подачи информации? Если, например, мы и наши противники действуем друг против друга одинаково, разница всегда есть, и огромная: у противника, в отличие от нас, «нехорошие» мотивы, будь то врожденное зверство или же что-нибудь более современное.

Происходят ли в ходе истории принципиальные личностные изменения? Согласно Гегелю, «личность есть бесконечно более интенсивная *неподатливость*, чем та, которая присуща объектам» [4, с. 165]. Изменения среды, естественной и искусственной, очевидны, очевидны социальные изменения, но нелегко определить, в какой мере меняется личность. Рискнем предположить, что при всех переменных сохраняется в принципе неизменным «твердое ядро» человечности, которое и изучается наукой об изменчивости – диалектикой.

Утверждать же можно следующее. 1. Диалектике изначально присуще богатое антропологическое содержание. 2. Оно обладает высокой степенью достоверности, что подтверждается эвристичностью диалектических идей, их применимостью к разным областям осмысления бытия общества и природы. 3. Антропологическое прочтение «Логик» нетипично, но, по-видимому, оно оправданно и требует продолжения в форме изучения представленности диалектики в различных философских течениях антропологического характера, что далеко не всегда лежит на поверхности.

Список источников

1. Больнов О. Ф. Философия экзистенциализма. СПб.: Лань, 1999. 224 с.
2. Гегель Г. В. Ф. Наука логики: в 3-х т. М.: Мысль, 1970. Т. 1. 501 с.
3. Гегель Г. В. Ф. Наука логики: в 3-х т. М.: Мысль, 1971. Т. 2. 248 с.

4. Гегель Г. В. Ф. Наука логики: в 3-х т. М.: Мысль, 1972. Т. 3. 371 с.
5. Гегель Г. В. Ф. Сочинения: в 14-ти т. М. – Л.: Гос. изд-во, 1929. Т. 1. Энциклопедия философских наук. Ч. 1. Логика. 367 с.
6. Дарвинизм: хрестоматия: в 2-х т. / сост. В. А. Алексеев. М.: Изд-во Московского университета, 1951. Т. 1. 846 с.
7. Лев Диакон. История / пер. М. М. Копыленко; статья М. Я. Сюзюмова; коммент. М. Я. Сюзюмова, С. А. Иванова; отв. ред. Г. Г. Литаврин. М.: Наука, 1988. 239 с.
8. Нейсбит Р. География мысли / пер. с англ. Н. Парфеновой. М.: Астрель, 2012. 285 с.
9. Открытие великой реки амазонок. Хроники и документы XVI века о путешествиях Франсиско де Орельяны / пер. с исп., вступ. ст. и коммент. С. М. Вайнштейна; отв. ред. Я. М. Свет. М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1963. 203 с.
10. Пивоваров Д. В. Граница // Современный философский словарь / под общ. ред. В. Е. Кемерова и Т. Х. Керимова. Изд-е 4-е, испр. и доп. М. – Екатеринбург: Академический проект; Деловая книга, 2015. С. 144-147.
11. Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. 447 с.

ATTEMPT OF ANTHROPOLOGICAL READING OF HEGEL'S "LOGIC"

Fedyayev Dmitrii Mikhailovich, Doctor in Philosophy, Professor
Fedyayeva Natal'ya Dmitrievna, Doctor in Philology, Associate Professor
Omsk State Pedagogical University
fedyayev@omgpu.ru; ndfed@yandex.ru

The article traces the anthropological content of dialectics. Dialectics is a doctrine of the man to the extent, in which everything that is characteristic of the Universe as a whole is inherent in him. In the Hegelian version of dialectics, anthropological material is represented widely. Thus, the doctrine of contradiction, which is commonly considered the core of dialectics, develops in the subject matter of reflection. Anthropological metaphors are typical, for example, those about the "anxiety" of any thing enclosed in borders. Abstractions come alive in characters like literary heroes. Wide dissemination of dialectical ideas is their authenticity confirmation.

Key words and phrases: dialectics; existence; essence; notion; anthropology; core of humanity.

УДК 1; 167.7

Дата поступления рукописи: 06.12.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.2.12>

В свете герменевтической онтологии М. Хайдеггера в статье раскрывается роль союзов как частей речи в понимании сущности человеческого языка. В отличие от традиционного в языкознании преимущественно синтаксического понимания союзов, предлагается рассмотреть их с семантической и когнитивной сторон. Обнаруживается, что союзы отвечают за мыслимость «чистых» отношений как реальности особого рода. Обосновывается тезис, что именно наличие союзов характеризует специфику человеческого языка, его поэтическую, конструктивную силу. Значимость союзов обнаруживается в семантическом, синтаксическом, прагматическом и когнитивном измерениях.

Ключевые слова и фразы: мышление; язык; универсалии языка; части речи; союзы; лингвистическая типология.

Ячин Сергей Евгеньевич, д. филос. н., профессор
Кохан Ирина Николаевна
Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток
yachin.se@dvfu.ru; irinakokhan0502@gmail.com

СОЮЗЫ КАК ЯЗЫКОВЫЕ УНИВЕРСАЛИИ

Введение

Дискуссия о языковых универсалиях, инициированная Дж. Гринбергом [22, р. 73] более чем полвека назад, не утратила своей остроты и сегодня. Актуальность этой дискуссии для специалистов заключается в том, что одни выдвигают все новые и новые предположения об универсальности той или иной лингвистической формы, а другие тут же пытаются найти опровержения через демонстрацию отсутствия таковой в каком-то из существующих языков. При этом сам факт единства человеческих языков не подвергается особому сомнению, что также подтверждается возможностью принципиального межкультурного понимания и перевода с одного языка на другой. Обсуждение этой темы разделилось на два направления: на обоснование универсальной грамматики (синтаксиса), основной вклад в становление которого сделал Н. Хомский [13], и на поиск семантических универсалий [2; 30; 31].

В этой статье мы ставим своей целью привлечение внимания к союзам, значение которых в языке заключается в обозначении отношений разного рода (временных, пространственных, смысловых и пр., а также обеспечивающих связь между другими частями речи). Сразу обращаем внимание, что эти части речи одновременно выполняют в языке и синтаксические, и семантические функции. На наш взгляд, в обычной лингвистике отношение к союзам как служебным частям речи (и не только на уровне школьного курса) сильно преуменьшает их роль в языке в основном за счет того, что мало отмечается именно их семантическое значение. Между тем в том и состоит смысловое преимущество союзов относительно падежей, о чем мы упоминаем, имея в виду известную работу Ч. Филлмора «Дело о падеже» [7; 21], в которой функция падежей отнесена к глубинной грамматике